

УРАЛЕВОЙ ВЕСТИНИК

приложение к газете
№ 13 (64) 8 ФЕВРАЛЯ 2006

Вечерний
КРАСНОЯРСК

СЕГОДНЯ – ДЕНЬ РОССИЙСКОЙ НАУКИ

(Ш) 25
Среда, 8 февраля 2006

КВ
№13 (64)

На грустной ноте...

Академик – звание пожизненное. И на пенсию они не уходят. Даже после сдачи важного руководящего научного поста у них остается приемная и штат учеников. Ученики могут быть в другом городе, в другой стране. Но они – в науке. Значит, в строю. И сегодня, в День российской науки, мы попросили немного рассказать о себе, о пути в науку академика РАН Кирилла Сергеевича Александрова, бывшего директора Института физики им. академика Л. В. Киренского. На него нисколько не давит груз прожитых лет, нет усталости в глазах. Есть только грусть.

«Я выбрал Красноярск!»

– Кирилл Сергеевич, сколько вы уже в науке?
– Это смотря с какого времени начать отсчет...

– Думаю, со студенческой скамьи...
– Да, со студенчества можно начинать... Я поступил в Ленинградский лесотехнический институт имени В. И. Ленина в 1948 году. И начиная с третьего курса работал в лаборатории – лаборантом. А вот диплом уже явился настоящей научной работой. Я сделал прибор, который измеряет скорости звука. Точнее, ультразвука – высокочастотных звуковых колебаний. Потом – и второй прибор, специально для аспирантуры. Привез его в Красноярск, и на нем было сделано огромное количество экспериментов по

изучению свойств горных пород и минералов. По этому поводу была даже опубликована первая моя книжка.

– А какую специальность вы приобрели в институте?

– В дипломе было записано «инженер-электрохимик». Но потом глава лаборатории Сергей Яковлевич Соколов встретился с академиком Шубниковым, очень известным специалистом по кристаллографии, и тот попросил прислать в Москву понимающего человека, чтобы помог выяснить, есть ли какая-либо аналогия между акустикой и оптикой. Правильнее, наверное, сформулировать так: есть ли что-то общее при распространении света и ультразвука в кристаллах? Этим человеком оказался я. И был отправлен в Москву в аспирантуру Института кристаллографии Академии наук СССР. С моим руководителем академиком Шубниковым я встречался довольно часто. Причем его секретарь мог прибежать в самое неожиданное время и сказать: вас вызывает Алексей Васильевич! Я шел и докладывал, что сделано и что собираюсь делать. Он говорил: «Это хорошо! Через неделю принесите мне статью». Первую заставил переделывать шесть раз. Человек он был немножко ехидный и в моем тексте, бывало, подчеркивал: «Не понял! Сделайте поправку на дурака». Главным образом, не по научному содержанию – он был большим знатоком русского языка и приучал меня к тому, чтобы все всегда было грамотно, по-русски написано.

– Так это какая школа!

– Конечно! В 1957 году я окончил аспирантуру, в декабре защитил кандидатскую диссертацию. И встал перед выбором: где дальше работать? Остаться в Москве в Институте кристаллографии – заманчиво, но из общечеловеческого как защитившегося выселили. Второе предложение было из ядерного центра на Урале – но тогда пришлось бы менять специальность. Предлагали место в Гатчине. Но я выбрал предложение Леонида Васильевича Киренского, который начал создавать Институт физики в Красноярске и обещал полную самостоятельность в работе.

– О выборе никогда не пожалели?
– Может быть, это и слишком прямолинейно – просто повода не было. Вот с тех пор, с 1959 года и существует лаборатория кристаллографии, которой я заведовал до 2003 года. А теперь передаю ее одному из своих учеников.

В сто раз короче

– Кирилл Сергеевич, сейчас поговаривают о том, что звание академика можно попросту... купить. В мутной воде безвременья пооткрывалось много разных академий. А ведь та, которую открыл Петр Первый, одна-единственная. И, несмотря на разного рода попытки, существует до сих пор. Собственно, сам День российской науки празднуется в день подписания Петром Великим указа о создании Российской академии наук. И далеко не просто стать избранным действительным ее членом. Как вы стали академиком?

– Ну сначала я стал доктором наук. По тем работам, которые были сделаны в лаборатории, в 1967 году защитил докторскую диссертацию. После этого спасся от ректорства в Красноярском госуниверситете. Очень я этого не хотел. Было трудно отказаться при существовавших в те времена средствах воздействия, тем не менее я остался в науке. Предвижу вопрос – конечно, не жалею! Хотя и пришлось заниматься административной деятельностью – был заместителем у академика Киренского. К сожалению, очень недолго. Понесла его нелегкая в Бразилию на конференцию. Живым уже не вернулся... В Москве у него случился инфаркт. Но никто не знал, что у него был еще и диабет! Кололи лекарства, от которых он впал в кому и не вышел из нее. Так писали. После смерти академика встал вопрос: кто будет директором? Были у него три зама: Терсков – в то время уже член-корреспондент, и два доктора – Арнольд Геннадьевич Лундин, который сейчас работает в СибГТУ, и я. Решили, что институт должен возглавить человек, у которого «шире погоны». С Терсковым мы проработали довольно

долгое время. В 82-м году открыли Институт биофизики – он туда ушел директором, а здесь остался я. Но к тому времени и я уже стал членом-корреспондентом. Ну а на ваш вопрос, как стать академиком, отвечу шуткой: труднее всего пройти в члены-корреспонденты. Потому что в стране было 20000 тысяч докторов наук, и всего 200 – членов-корреспондентов. Так что путь между членом-корреспондентом и академиком – в 100 раз короче! Это, конечно, ученые просто шутят. На самом деле путь долгий, нервный и трудный. Даже тяжело вспомнить, какие бывали на этой дороге ситуации.

Путь у каждого свой

– Как-то академик Исаев сказал мне, что путь в академики – это просто постоянная, напряженная работа. И везение – чуть-чуть.

– У каждого – свой путь. Но то, что это, прежде всего, огромный труд – неоспоримо.

– Я вообще заметил, что в Институте физики окна светятся чуть ли не за полночь. И по выходным большинство ученых можно застать в своих лабораториях.

– Скажу так: каких-то гигантских открытий я не делал. Да и задачи перед собой такой не ставил. Самым важным с того момента, когда приехал в Красноярск, мне представлялось: если ты занимаешься кристаллами, нельзя заниматься каким-то одним их свойством. Этого мало! Нужно кристаллы исследовать со всех сторон. Только тогда можно их понять. То, чем я практически занимаюсь много лет, это так называемые механизмы фазовых переходов кристаллов.

– Что это такое?

– Например, при изменении температуры кристалл вдруг меняет свои характеристики, свою симметрию. Может вообще разбиться на домены. Главная задача – выяснить, почему это происходит. В чем заключается внутренняя перестройка? Какие причины заложены в исходном кристалле, которые

приводят к изменениям? И понять все это можно только комплексной постановкой всех вопросов. Сейчас это принято везде, во многих направлениях физики. Ну а мы в своей лаборатории были одними из первых, кто понял: явления и материалы – неважно, каких направлений физики это касается, – должны исследоваться, еще раз повторю, всесторонне. Только тогда можно получить новые знания. Вот за эти работы в 89-м году мы получили Государственную премию СССР.

– А не мешала административная работа научной деятельности?

– Когда я избавился от директорства – вздохнул с облегчением. Это оторвало слишком много времени от того, чем я должен был заниматься в большей степени. Но так уж заведено – академик чаще всего возглавляет мощное научное подразделение. Во-вторых, пришлось потратить много нервов и заработать пару инфарктов. Но, хоть и возрастной ценз вступил в силу – не было преемника. Долго уговаривал академика Василия Филипповича Шабанова возглавить институт – он и так слишком занят. У председателя Президиума Красноярского научного центра СО РАН, понятно, дел по горло. Но, в конце концов, к моей большой радости, он согласился взвалить на себя и эту ношу.

Нам и не снилось...

– Интересно, как вы относитесь к нынешней эпохе?

– Неприятно что резко понизили статус ученого. Даже сейчас, когда очень много говорят об усилении образования, науке в этом места не находится. Есть она здесь или нет? То, что науку держат в черном теле – факт неопровержимый. Я прочел последние документы о повышении зарплат ученым. Да, она будет выше. Но ведь мы опять остаемся со старым оборудованием! Денег на приборы нам не дают. И я прекрасно понимаю молодых людей – они же все немножко с

презрением, которые стремятся поехать за границу. И очень одобряю тех, кто ездит туда на время. Он там немного подзаработает – и может продолжать исследования здесь. Но самое главное – что там есть оборудование. Аппаратура современная, на которой можно проводить исследования и ставить эксперименты, которые нам и не снились. У нас в лаборатории есть один прибор, который можно считать современным. Большая часть – это самоделки!

Сейчас, на мой взгляд, в науке есть две проблемы. Первая – это оборудование. Если государство не выделит достаточных средств – мы сегодня ничего не сделаем. Работаем на голом энтузиазме. О низкой зарплате я сегодня не хочу говорить. И второе – старение кадров. Сейчас молодежь в науку вроде пошла, но, к сожалению, выпало среднее звено. Люди средних лет в свое время кинулись кто в бизнес, кто в политику. Теперь существует разрыв в цепочке преемственности. Если доктор наук, профессор и захочет освободить место, то кому его отдавать?

– Мне кажется, эти проблемы при приложении не таких уж больших сил и средств на государственном уровне решить пока еще можно.

– Не стало бы слишком поздно...

Сергей ЧУРИЛОВ,
фото Бориса КАБРЕША

P. S.

Вот на такой грустной ноте я и закончу сегодняшнее интервью с академиком РАН Кириллом Сергеевичем Александровым. Как нам всем жить дальше? Может быть, все-таки спросим у академиков? А то, что ни одно цивилизованное сообщество людей, тем более – еще в недавнем прошлом называвшееся «сверхдержавой», в век высоких технологий без науки существовать просто не в состоянии – это и так понятно. Единственно, что остается непонятным: почему в российские приоритеты не попала наука? Как развиваться-то будем? Мировой сырьевой придаток в конце концов может стать аппендиксом. Или просто атрофируется...